

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ВОРОНКОВИДНЫХ СОСУДОВ В ПОЛЬШЕ

Z. PODKOWIŃSKA, *Osada neolityczna na górze Gawroniec w Cmielowie, pow. Opatów*, «Wiadomości archeologiczne», XVII (1950—1951), Warszawa, т. 2—3, стр. 95—147.

Z. PODKOWIŃSKA, *Prace wykopaliskowe na stanowisku «Gawroniec — Pałyga» w Cmielowie w pow. Opatowskim, 1950*, «Wiadomości archeologiczne», XVIII (1951—1952), Warszawa, т. 3—4, стр. 201—242.

L. GAJEWSKI, *Kultura czas lejowatych między Wisłą a Bugiem*, «Annales universitatis Mariae Curie-Skłodowska», Sectio F., Nauki filozoficzne i humanistyczne, IV (1952—53), Lublin, стр. 1—194.

К числу немногих культур энеолитического времени, памятники которых распространены как на территории нашей родины, так и на территории соседних стран Запада, относится большая группа памятников, которым посвящены рецензируемые работы польских археологов.

Эти памятники известны в зарубежной археологической литературе под разными наименованиями. В польской довоенной археологической литературе они были известны под наименованием «воронковидной», «мегалитической», «великопольской», «малопольской» культур, а также культуры «воронковидных бокалов», «воронковидных кубков» или «воронковидных чаш». Не останавливаясь на том, какое из указанных наименований наиболее правильное, впредь будем именовать их памятниками культуры воронковидных сосудов.

¹ В. Ярхс, Социальная утопия в комедиях Аристофана, МГУ, 1947; о в же, о характере древнеаттической комедии, МГУ, 1948.

Памятники культуры воронковидных сосудов распространены на значительной территории центральной и северо-западной Европы. Они известны в Польше, Чехословакии, Германии, Дании, Голландии и частично Швеции. На территории нашей родины памятники указанного типа известны в пределах УССР, главным образом в западной ее части, в бассейне реки Западный Буг. В пределах этой обширной территории памятники культуры воронковидных сосудов образуют ряд локальных групп.

Памятники интересующего нас типа исследованы и изучены на всей территории их распространения далеко не равномерно. Пожалуй, наименее изучены памятники юго-восточной, окраинной группы, которые распространены в верховьях Вислы и Западного Буга. Систематическому исследованию эти памятники здесь не подвергались. Вследствие этого многие важные вопросы, касающиеся происхождения, истории, хозяйства и быта населения культуры воронковидных сосудов на данной территории, не получили до сих пор соответствующего освещения в археологической литературе, в частности в довоенных обобщающих трудах польских археологов. Не получили они должного освещения также и в специальной монографии К. Яжджевского, посвященной памятникам данной культуры, главным образом на территории западной и средней Польши¹.

Значительно активизировались исследования указанных памятников в верховьях Вислы и Западного Буга в условиях народно-демократической Польши. Об этом свидетельствует выход в свет рецензируемых работ польских исследователей проф. д-ра С. Подковинской и Л. Гаевского.

Две работы С. Подковинской, опубликованные в варшавском археологическом журнале «Wiadomości archeologiczne», представляют собой подробную публикацию разнообразного материала и данных раскопок интересного поселения культуры воронковидных сосудов около Цмелева, Опатовского уезда, исследовавшегося автором в течение ряда лет, начиная с 1947 г. Уже сам факт осуществления систематических раскопок поселения данной культуры является очень важным. Дело в том, что поселения культуры воронковидных сосудов почти не исследовались. Исследовались главным образом могильники. Материалы последних, как известно, недостаточны для полной характеристики изучаемой культуры. Вот почему исследования в Цмелеве являются по существу первыми систематическими раскопками поселения культуры воронковидных сосудов в верховьях Вислы.

Следует отметить также удачный выбор памятника для раскопок. Большой интерес поселения в Цмелеве объясняется тем, что оно расположено недалеко от древнейших копей по добыче кремня, около Кшеменок, с которыми поселение связано.

Благодаря успешному применению С. Подковинской методики раскопок большими площадями, а также тщательной фиксации обнаруженных раскопками объектов данная публикация материалов дает всестороннее документальное освещение результатов раскопок. Раскопками была исследована площадь более 3000 м². На этой площади была открыта 171 яма, частично соединенные между собой и образующие единый жилой или хозяйственный комплекс. Кроме жилищ-землянок, состоявших из соединенных между собой ям, на поселении открыты также одоямные землянки. В жилых ямах были обнаружены остатки глиняных печей в виде скопления кусков обожженной глины с отпечатками прутьев, а также кострищ. Разрушенные глиняные печи и кострища были обнаружены и вне пределов ям.

На поселении обнаружены мастерские по обработке кремня с громадным количеством кремневых полуфабрикатов и отбросов производства.

В публикации дано подробное описание и характеристика добытого в результате раскопок вещественного материала: кремневых, костяных, каменных, глиняных и других изделий. В работе имеются многочисленные планы и разрезы жилищ и других обнаруженных объектов, их описание и устройство. Рисунки, фото и таблицы с рисун-

¹ К. J a ż d z e w s k i, Kultura puharów lejkwatych w Polsce zachodniej i środkowej. Poznań. 1936.

ками предметов, обнаруженных на поселении, вместе с их описанием и обозначением на планах, дают полное представление о найденных во время раскопок предметах.

Большое значение материалов из раскопок в Цмелеве состоит в том, что археологическая наука получила в свое распоряжение единый комплекс находок, что позволяет наиболее полно выяснить характер культуры, представленной материалами данного поселения, а также и ее локальные особенности.

На основании анализа разнообразных находок С. Подковинская приходит к выводу, что жители поселения занимались земледелием, скотоводством и, как выражается автор, промыслом — изготовлением кремневых орудий для обмена. Большой интерес представляет утверждение автора об использовании крупного рогатого скота в качестве тягловой силы для обработки земли. В данном случае автор опирается на заключение проф. К. Крисьяка, установившего наличие на изученных им фрагментах черепов крупного рогатого скота, найденных на поселении, роговых отростков, указывающих на кастрацию самцов¹. Практика кастрирования крупного рогатого скота, как указывает автор, была вызвана потребностями в тягловой силе. Наблюдения проф. Крисьяка представляют большой научный интерес. Излишне говорить о том, какое громадное значение имеет возможность определения костей волов. Будем надеяться, что советские палеозоологи заинтересуются работами проф. Крисьяка и выскажутся специально по их поводу. Опираясь, с одной стороны, на наличие на поселении костей волов, а с другой — почти полное отсутствие мотык, С. Подковинская делает заключение об обработке земли при помощи тягловой силы. Известным подтверждением этому служит находка глиняной фигурки пары волов, запряженных в ярмо, найденной на поселении культуры воронковидных сосудов в Крежнице Ярой.

Вместе с тем автор в первой публикации коснулся также ряда вопросов социально-экономического характера. Сам факт постановки этих вопросов и, что особенно важно, попытки их освещения с позиций марксизма-ленинизма заслуживает того, чтобы быть отмеченным как положительное явление в успешно развивающейся археологической науке демократической Польши. Задача советских археологов, советской археологической печати всесторонне поддерживать и оказывать помощь этим стремлениям археологов стран народных демократий и, в частности, помочь им избежать ошибок, в свое время допущенных советскими археологами. Не избежала повторения этих ошибок и С. Подковинская, когда она следует за работами Е. Ю. Кричевского, написанными еще в 30-х годах, где буржуазная теория миграций критиковалась с вульгаризаторских позиций.

Оценивая работы С. Подковинской в целом, необходимо подчеркнуть их большое научное значение. Теперь мы располагаем полноценным источником, позволяющим наиболее полно представить себе жизнь и деятельность племен данной культуры в указанном районе; последнее важно как в плане изучения культуры местных племен, так и в плане изучения истории населения культуры воронковидных сосудов в целом.

В известной мере иное направление в исследовании культуры воронковидных сосудов на интересующей нас территории представляет монография Л. Гаевского. Как указывает автор, его работа является попыткой монографического исследования культуры воронковидных сосудов на территории между Вислой и Бугом. Работа состоит из введения и двух частей. Первая часть посвящена анализу материалов и характеристике культуры воронковидных сосудов между Вислой и Бугом. Во второй части дано описание материалов из местонахождений данной культуры. Монография иллюстрирована рисунками, фото, чертежами. К работе приложена карта памятников культуры воронковидных сосудов между Вислой и Бугом.

Справедливо указание автора, что памятники культуры воронковидных сосудов на территории между Вислой и Западным Бугом являются наименее изученными.

¹ K. K r y s i a k, Szczałki zwierzęce z osady neolitycznej w Cmielowie, «Wiadomości archeologiczne», XVII (1950—1951), Warszawa, стр. 165—228; XVIII (1951—1952), стр. 243—250.

Поэтому их изучение чрезвычайно актуально и необходимо. При определении территориальных границ своего исследования автор правильно предпочел естественные границы административным. Тем не менее сделанный автором выбор естественных границ (территории, ограниченной течением рек Вислы и Западного Буга) является, в свою очередь, также весьма условным.

При взгляде на приложенную карту создается впечатление о сравнительно неплохой археологической изученности памятников культуры воронковидных сосудов на данной территории. На карте обозначено 68 местонахождений поселений и могильников. Однако около половины таких «поселений» определено на основании находок одного, двух или нескольких фрагментов керамики, главным образом на дюнах. Можно ли на основании находок нескольких фрагментов керамики определять эти местонахождения как поселения? Повидимому, нельзя. Несколько фрагментов керамики равным образом могли происходить и из разрушенных погребений, а также могли быть находимы на поселениях, относящихся к другим культурам. В нескольких случаях автор к числу поселений относит также отдельные находки каменных топоров или целых сосудов, которые более вероятно происходят из разрушенных погребений. Сами по себе они еще не определяют тип памятника, к которому относятся.

Таким образом, более половины всех пунктов обозначено на карте без достаточных к тому оснований. Нужно ли учитывать аналогичные отмеченным выше местонахождения? Безусловно нужно. Но их правильнее обозначать на карте как местонахождения отдельных находок (керамики или других предметов) данной культуры. Каждому, кто будет пользоваться такой картой, всегда будет ясно, о каких материалах идет речь.

Не лучше обстоит дело и с теми местонахождениями (более десяти), на которых найдено несколько десятков фрагментов керамики. Очевидно, что большее число находок фрагментов керамики указывает на нахождение здесь поселений. Однако такой материал более чем фрагментарен, по своему составу случаен и поэтому не может служить достаточным основанием для характеристики даже одного лишь керамического комплекса данного поселения.

Как видим, материалы учтенных автором местонахождений далеко не равноценны и, что самое главное, они ни в одном случае не являются полноценными в научном отношении.

В свете сказанного важное значение приобретают материалы из раскопок. Поэтому особого внимания заслуживают публикуемые автором материалы из новых послевоенных раскопок поселения в Кренжнице Ярой и могильников в Лесе Стоцком. Поселение в Кренжнице Ярой было открыто в 1947 г. Расположено оно на дюне. Здесь было собрано большое количество разнообразного археологического материала. В 1949—1950 гг. были произведены раскопки, в результате которых собран значительный вещественный материал: фрагменты керамики, кремневые изделия, пластины и отщепы, обломки каменных орудий, куски костей животных и т. п. В работе даны рисунки некоторых находок.

Из числа отдельных находок следует отметить оригинальную находку глиняной фигурки в виде пары животных в ярме, которая правдоподобно изображает волов в упряжке. Новые данные о наличии волов и использовании их в качестве тягловой силы в новом свете выясняют характер хозяйственной деятельности населения культуры воронковидных сосудов в верховьях Вислы и Западного Буга, в частности возможность использования им тягловой силы в земледелии.

Несмотря на значительный интерес отдельных находок, автор, ограничив свою публикацию описанием вещественного материала, тем самым оставил невыясненными ряд существеннейших вопросов, касающихся исследованного памятника. Читателю не ясно, каков объем проведенных работ на поселении, его сохранность, условия залегания культурного слоя и т. п. Отсутствуют также чертежи и планы раскопок, за исключением единственного разреза кострища, обнаруженного в 1947 г. Между тем на поселении во время раскопок был обнаружен еще один очаг, сложенный из камней и обмазанный глиной. Неясно, где были обнаружены очаги, их взаимное расположе-

ние, как располагались по отношению к ним находки, а также, как располагались находки в пределах исследованной раскопками площади.

Автор не дал анализа и характеристики как отдельных категорий вещественного материала, так и всего комплекса находок поселения в целом. Между тем только при этом условии можно было получить полное представление о поселении и уже на этом основании отнести его к определенной локальной группе памятников данной культуры.

Вместо этого автор дал анализ и характеристику отдельных категорий инвентаря— суммарно для всех местонахождений данной территории, без предварительного анализа материалов каждого местонахождения в отдельности. Объединив, таким образом, без достаточных оснований памятники на территории междуречья Вислы и Буга в одну локальную группу, автор пытался сделать ряд выводов и заключений о происхождении и характерных чертах культуры выделенной им группы памятников.

Автор, например, утверждает, что памятники данного района характеризуются тем, что здесь амфоры чаще встречаются на могильниках, чем на поселениях. Не правильное ли будет объяснить это только разной степенью исследованности поселений и могильников, плохой изученностью поселений и относительно лучшей изученностью могильников?

Выделив памятники культуры воронковидных сосудов указанной территории в самостоятельную группу, Л. Гаевский отмечает, что лишь за редкими исключениями удается проследить связи между этой группой памятников и аналогичными памятниками соседних территорий, в частности Сандомирщины. Между тем к группе памятников Сандомирщины относится поселение в Цмелеве. На поселении в Цмелеве кремневые изделия изготавливались из двух сортов кремня. Из местного, кшеменковского кремня, в силу его технических свойств и качеств, можно было изготавливать только топоры. Для изготовления основной массы кремневых изделий он не подходил. Поэтому для их изготовления жители поселения пользовались привозным кремнем, месторождение которого известно в районе Рахова (Красницкий повят), на правом берегу Вислы, т. е. уже на территории междуречья Вислы и Буга. Из раховского кремня изготовлена основная масса кремневых орудий поселения в Цмелеве. Это служит одним из указаний на то, что население Сандомирщины находилось в тесных и постоянных связях с населением междуречья Вислы и Буга. В свою очередь, жители поселения в Кренжнице Ярой, естественно, основную массу кремневых орудий изготавливали из местного, раховского кремня. Вполне естественно также, что на этом поселении в небольшом количестве встречались орудия, изготовленные из других сортов кремня: кшеменковского и надбужанского (месторождение на Вольни), так как в них не было потребности. Нельзя поэтому согласиться с выводом Л. Гаевского о том, что малое количество находок кремневых изделий из кшеменковского и надбужанского кремня на поселениях между Вислой и Бугом является свидетельством слабых связей между населением этой территории и населением Сандомирщины и Вольни.

Важные данные для характеристики культуры воронковидных сосудов на соседней, с востока, территории Вольни дают материалы из раскопок ранее известного в археологической литературе поселения в с. Зимно, Владимир-Вольнского района, Вольнской области. Исследованиями в с. Зимно (1951—1952 гг.) были открыты остатки углубленных частей жилищ с очагами, грушевидные и цилиндрические по форме ямы с обмазанными глиной и обожженными стенами, очевидно, служившие для хранения зерна. Культурный слой поселения оказался весьма насыщенным разнообразными находками: керамическими, кремневыми, костяными, каменными и другими изделиями. Много найдено также костей домашних и диких животных. Сопоставляя весь комплекс данных исследованных поселений в Цмелеве и Зимно, приходим к заключению об их полной аналогии. Поселения настолько близки, что это сказывается уже в деталях. Так, например, на основании материалов обоих поселений установлен факт реставрации посуды путем склейки ее каким-то смолистым веществом.

Изучение данных раскопок этих поселений свидетельствует о несомненной их принадлежности к одной локальной группе памятников культуры воронковидных сосудов.

Это указывает на общность населения районов Сандомирщины и Волыни. В свете данных раскопок в Цмелеве и Зимно нельзя рассматривать вопрос о характере культуры воронковидных сосудов на территории между Вислой и Бугом изолированно от памятников Сандомирщины и Волыни. Л. Гаевский правильно обратил внимание на физико-географические особенности северного и южного районов этой территории. Правильно поступил также автор, когда подчеркнул это, обозначив на карте примерную границу между этими районами. Заслуживает серьезного внимания предположение автора о том, что особенности каждого района могли отразиться и сказаться на различии в хозяйственной деятельности их населения. Жаль, что это нельзя подтвердить в настоящее время соответствующим археологическим материалом. До сих пор мы не располагаем полными комплексами данных для поселений севера и юга, и поэтому конкретное решение этого вопроса не представляется сейчас возможным.

Если учесть физико-географические условия южного района данной территории, следует отметить, что он тесно связан с лессовыми породами и урожайными почвами Сандомирщины и Волыни и что поэтому правильнее рассматривать все эти районы вместе.

Как видим, имеется ряд веских данных и наблюдений, которые не подтверждают вывод автора о том, что памятники культуры воронковидных сосудов на территории между Вислой и Бугом образуют отдельную локальную группу памятников, отличающуюся от памятников данного типа на соседних территориях. Поэтому попрежнему первоочередной задачей изучения культуры воронковидных сосудов на указанной территории является проведение широких разведочных работ по выявлению поселений как на севере, так и на юге в этом районе, которые могли бы стать объектом широких стационарных раскопок. Успешные работы польских археологов, проведенные в последние годы в этом районе, свидетельствуют о больших возможностях и перспективах изучения интересующих нас памятников. Примером глубокого и правильного понимания пути дальнейшего исследования памятников культуры воронковидных сосудов являются образцовые полевые работы и публикации материалов раскопок поселения в Цмелеве проф. д-ра Софии Подковинской.

Только идя путем увеличения количества исследованных таким образом памятников, археологическая наука получит в свое распоряжение археологический материал, на основании которого можно будет решить сложные и важные проблемы культуры воронковидных сосудов в целом и ее отдельных локальных групп.

Ю. Н. Захарук